

10"Л". Взрослые игры

Артём Никифоров

18+

Артём Никифоров
10"Л". Взрослые игры

«Автор»

2026

Никифоров А.

10"Л". Взрослые игры / А. Никифоров — «Автор», 2026

Победа в турнире не принесла покоя. Середина десятого класса. В школе пахнет мандаринами и ёлкой, скоро каникулы. Но Марк снова считает шаги — сорок семь, как в старые добрые времена. Кирилл стал нервным и злым, его взгляд пугает даже своих. Диана замкнулась в себе. Глеб молчит и отводит глаза. А потом Диана исчезает. Марк отправляется на поиски один. В заброшенном доме на окраине города он узнаёт страшную правду о Кирилле — правду, которая переворачивает всё, что они знали о нём. Теперь Марку предстоит не только спасти Диану, но и выжить самому. Сможет ли Глеб прийти на помощь брату? Выдержит ли их дружба последнее испытание? И какой окажется цена правды, которую так долго скрывали? Третья книга серии — самая тёмная и взрослая. О том, как детство кончается, когда сталкиваешься с настоящим злом. И о том, что даже после самого страшного можно начать новую жизнь. Если останешься жив.

© Никифоров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Школа	6
Глава 2. На цепи	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

10"Л". Взрослые игры

Предисловие

Середина десятого класса.

Странное время. Ты уже не новичок, который боится старшеклассников. Ты уже не герой, который спас школу от закрытия. Ты просто — ученик. Сидишь на уроках, пишешь контрольные, споришь с учителями. Живёшь обычной жизнью.

Но обычной ли?

Мы выиграли турнир. Мы получили грант. Школа отремонтировала коридоры, купила новые парты, починила софиты в актовом зале. Всё стало лучше. Светлее. Правильнее.

И всё равно что-то не так.

Я не знаю, когда это началось. Может, в тот день, когда я поймал себя на мысли, что считаю шаги от раздевалки до класса. Снова. Сорок семь. Как в прошлом году. Когда я думал, что всё уже позади.

Алиса говорит, что мне просто кажется. Что мы пережили худшее. Что теперь можно выдохнуть.

Глеб молчит. Он вообще много молчит в последнее время. Даже когда мы остаёмся в комнате вдвоём, он не произносит ни слова. Просто смотрит в телефон или в окно. И я не знаю, о чём он думает. Боится ли он того же, что и я?

Кирилл стал тише. Он по-прежнему ходит по коридорам с каменным лицом, по-прежнему смотрит свысока. Но в его взгляде нет прежней уверенности. Словно он тоже чувствует — что-то надвигается. Что-то, с чем не справиться ни кулаками, ни песнями.

Майя старается держать нас вместе. Чаше зовёт на чай, чаще улыбается, чаще говорит «котятка». Но я вижу, как она напряжена. Как её пальцы барабают по столу, когда она думает, что никто не смотрит.

Диана поёт. Громко, красиво, свободно. Она наконец вышла из тени. Но иногда, когда ей кажется, что никто не видит, она смотрит в окно так, будто ждёт кого-то. Или боится.

Ян углубился в философию. Говорит, что ищет ответы на вопросы, которые никто не задаёт. Лев записывает новую музыку — мрачную, тягучую, похожую на предчувствие. София и Милана снова дружат, но в их смехе иногда проскальзывает что-то нервное.

Мы — десять человек. Десять историй. Десять судеб, которые переплелись так тесно, что уже не распутать.

Но даже в такой компании можно чувствовать себя одиноким.

Середина десятого класса. За окнами декабрь. Скоро каникулы. Мы должны радоваться, отдыхать, забыть про школу на две недели.

Но я не могу.

Потому что я чувствую — это затишье не навсегда. Потому что тишина перед бурей всегда звенит. А она звенит. С каждым днём всё громче.

Я не знаю, что будет. Не знаю, кто наш враг. Не знаю, с чего начнётся следующая война. Знаю только одно: мы снова будем сражаться. Потому что разучились молчать.

Марк,

который снова считает шаги

(сорок семь, как в старые добрые времена)

Глава 1. Школа

После турнира всё должно было стать проще.

Так казалось. Так хотелось верить.

Школа отремонтировала коридоры, закупила новые проекторы в кабинеты, починила софиты в актовом зале. У нас появился официальный хор — не подпольный, не бунтарский, а самый настоящий, с расписанием репетиций и местом в школьном графике. Диана стала солисткой. Алиса — её правой рукой. Я просто пел. Без борьбы, без надрыва. Просто потому, что любил это дело.

Всё наладилось.

Почти.

Кирилл стал другим.

Раньше он был холодным, расчётливым, спокойным, как удав. Теперь он превратился в сжатую пружину, которая в любую секунду готова разжаться. Он срывался на учителей, огрызался на одноклассников, взрывался из-за каждой мелочи. Даже его вечная свита — те, кто ходил за ним как тени, — начала коситься на него с опаской.

На прошлой неделе он чуть не подрался с Лёвой из параллели. Тот случайно задел его плечом в столовой — обычная школьная толкотня, ничего личного. Кирилл развернулся, схватил парня за грудки и прижал к стене. Замахнулся. Я видел его глаза — в них не было ничего, кроме слепой, животной ярости.

Глеб успел перехватить его руку. Он стоял рядом — всегда рядом, когда дело касалось Кирилла.

— Хватит, — сказал брат тихо. — Он не специально.

Кирилл смотрел на него несколько секунд. Потом отпустил Лёву, развернулся и вышел из столовой, даже не оглянувшись.

Мы переглянулись. Ян поджал губы. Лев присвистнул. Алиса сжала мою руку под столом.

— Что с ним? — прошептала она.

Я не знал. Кирилл был жёстким, да. Но раньше он контролировал себя. Теперь контроль ускользал.

— Ты что-нибудь знаешь? — спросил я Глеба, когда остальные разошлись.

— Нет, — ответил он. — Он ничего не говорит. Даже когда я пытаюсь спросить.

— Вы же работаете вместе. Он тебе не доверяет?

— Доверяет, — Глеб помолчал. — Но не в этом. Он никогда не говорит о том, что у него внутри. Никогда.

— Может, ты что-то заметил? Что-то, чего не видят другие?

Глеб покачал головой.

— Он просто стал другим. Никто не знает, почему. Ни я, ни его люди. Никто.

— И что теперь?

— Теперь? — Глеб усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Теперь мы просто ждём. Когда он взорвётся. Или когда сам расскажет. Но я не уверен, что он вообще расскажет.

Он посмотрел на меня, и в его глазах была усталость.

— Это самое страшное, Марк. Не знать. Не понимать, что с человеком. Не уметь помочь, потому что он не пускает внутрь.

Диана изменилась. Только в другую сторону.

Она стала тихой. Слишком тихой. Раньше она хотя бы смотрела на мир с вызовом, даже когда молчала. Теперь в её взгляде появилось что-то другое — отстранённость. Как будто она смотрела сквозь всех нас.

Она всё так же пела в хоре. Громко, красиво, свободно. Но как только репетиция заканчивалась, маска возвращалась. Она уходила в себя, закрывалась, становилась невидимкой.

Однажды я застал её на третьем этаже. Она стояла у окна и смотрела на пустой двор. Заметила меня, но не обернулась.

— Ты как? — спросил я.

— Нормально, — ответила она слишком быстро.

— Диана...

— Я сказала — нормально, — перебила она. Жёстче, чем обычно.

Я не ушёл. Стоял и ждал.

Она вздохнула.

— Он не подходит ко мне, — сказала она тихо. — Это хорошо. Я знаю. Но почему-то становится только хуже.

— Из-за чего?

— Не знаю, — она покачала головой. — Может, потому что я не понимаю, что у него в голове. Может, потому что боюсь, что он вернётся. А может, боюсь, что не вернётся. Я сама не знаю.

Она помолчала и добавила тише:

— Иногда мне кажется, что тишина — это не когда ничего не происходит. А когда происходит слишком много, но все делают вид, что ничего нет.

Она ушла, оставив меня стоять в пустом коридоре.

Я смотрел ей вслед и думал о том, что она, возможно, права.

Алиса заметила всё это раньше меня. Она всегда замечала.

— Кирилл на взводе, — сказала она, когда мы шли домой. — Диана закрывается. Глеб пытается делать вид, что всё в порядке, но я вижу — он тоже на пределе.

— С чего ты взяла?

— Он на тебя смотрит, — ответила она. — Когда ты не видишь. В его взгляде... я не знаю. Беспокойство. Как будто он боится, что ты тоже сломаешься.

Я промолчал. Она, возможно, была права.

— Ты что-нибудь знаешь про Кирилла? — спросил я. — Может, ты заметила что-то, чего не вижу я?

Алиса покачала головой.

— Ничего. Он закрыт. Полностью. Даже Глеб ничего не знает. Я спрашивала.

— И что теперь?

— Теперь мы просто наблюдаем. И надеемся, что он не наделает глупостей.

Она взяла меня за руку.

— Ян ушёл в философию, — продолжила она. — Лев в музыку. София с Миланой смеются, но я слышу — в их смехе нет легкости. И даже Майя... она старается держать нас вместе, но я вижу, как её пальцы барабаниют по столу, когда она думает, что никто не смотрит.

— А ты? — спросил я. — Ты как?

Она остановилась. Посмотрела на меня долгим взглядом, и я увидел в её глазах то, чего боялся увидеть.

— Я устала, Марк, — сказала она. — Не от школы. Не от учёбы. От того, что мы снова на грани. Я не знаю, что будет. Но я чувствую — что-то надвигается. Как тогда, в ноябре. Когда я встала и сказала «надоело бояться».

— Только тогда я знала, против кого мы боремся, — добавила она тише. — А теперь... я даже не знаю, кто наш враг.

Я ждал её пальцы. Они были холодными.

— Мы узнаем, — сказал я. — И тогда решим, что делать.

— А если будет поздно?

— Не будет.

Я сказал это твёрже, чем чувствовал. И она, кажется, поверила.

Или просто сделала вид.

Вечером, когда мы с Глебом сидели в комнате, я спросил его прямо:

— Ты думаешь, это из-за турнира? Что с Кириллом?

— Не знаю, — ответил Глеб, не отрываясь от телефона. — Может, да. Может, нет. Он не говорит.

— А ты не пытался узнать у его людей?

— Пытался. Они тоже не знают. Или знают, но молчат.

Глеб отложил телефон, посмотрел в окно.

— Он всегда был закрытым, — сказал он. — Но раньше это не мешало ему работать. А теперь... теперь он сам не свой. И никто не знает, почему.

— Даже ты?

— Даже я.

Он замолчал. Я не стал спрашивать больше. Бесполезно.

— А Диана? — спросил я через минуту.

— Что — Диана?

— Ты видишь, что с ней происходит?

Глеб кивнул.

— Она боится. Не его — неизвестности. Не знать, что у него в голове, не понимать, чего ждать — это хуже, чем если бы он просто пришёл и сказал что-то.

— Ты говорил с ней?

— Пытался. Она сказала, что всё нормально, и ушла.

Глеб усмехнулся — горько, без веселья.

— Мы все сейчас говорим «всё нормально». И никто не верит.

Он отвернулся к стене.

— Мы все чего-то боимся, Марк. Просто у каждого свой страх.

Середина десятого класса. Декабрь.

Школа пахнет мандаринами и ёлкой. Скоро каникулы.

Мы должны радоваться.

Но вместо этого мы считаем шаги. Сорок семь. От раздевалки до класса. Сорок семь, как в прошлом году.

Тогда я думал, что война закончилась.

Теперь я знаю — она просто сменила форму.

Кирилл срывается на всех подряд, и никто не знает, почему. Диана уходит в себя, боясь того, чего не понимает. Глеб делает вид, что всё в порядке, но я вижу — он тоже на пределе. Даже Майя, которая всегда была нашей опорой, не может скрыть тревоги.

И никто не знает, что будет дальше.

Никто не знает, кто наш враг.

Никто не знает, с чего начнётся следующая война.

Знаю только одно: мы снова будем сражаться. Потому что разучились молчать.

На следующее утро я проснулся от того, что Глеб уже собирался.

Он всегда вставал раньше меня. Даже когда мы были маленькими, он первым открывал глаза, первым вылезал из-под одеяла, первым шёл умываться. Я привык. Но в последнее время в его утренней тишине появилось что-то новое. Какая-то жёсткость. Он собирался молча, быстро, не глядя на меня.

— Ты сегодня завтракаешь? — спросил я, садясь на кровати.

— Не хочу, — ответил он, не оборачиваясь.

— Глеб...

— Я сказал — не хочу.

Он вышел из комнаты, и через минуту хлопнула входная дверь.

Я сидел на кровати и слушал тишину. Мама уже ушла на работу — она теперь работала в две смены, мы виделись редко. В квартире было пусто и холодно. Я натянул джинсы, сунул в рюкзак тетради и вышел.

Школа встретила меня запахом хлорки и свежей выпечки из столовой. В раздевалке было шумно — первоклашки носились с рюкзаками, старшеклассники лениво переодевались, кто-то громко спорил о вчерашнем футбольном матче.

Я прошёл к своему шкафчику. На двери кто-то прилепил стикер с надписью «10«Л» — чемпионы!» — видимо, в честь турнира. Я не стал его отдирать. Пусть висит.

Из соседнего ряда донёлся знакомый голос.

— Марк! — Алиса вышла из-за угла, поправляя хвост. На ней был огромный свитер — кажется, мой. Я не спрашивал. Мне нравилось, что она его носит.

— Привет, — я улыбнулся. — Выспалась?

— Не очень, — она зевнула. — Вчера долго не могла уснуть. Думала.

— О чём?

— О всяком. О школе. О турнире. О том, что будет дальше.

Я взял её за руку. Она не отстранилась.

— Всё будет хорошо, — сказал я, хотя сам не был уверен.

— Ты каждый раз так говоришь, — она улыбнулась, но улыбка вышла грустной.

— Потому что это правда.

Она не ответила. Мы пошли на первый урок.

По пути к нам присоединились Ян и София.

— Ты прочитал параграф? — спросил Ян, поправляя очки.

— Какой? — спросил я.

— По истории. Декабристы.

— А, это. Нет.

Ян вздохнул с таким видом, будто я лично подписал ему приговор.

— Марк, тебя это когда-нибудь беспокоило?

— Что именно?

— Твоя успеваемость.

— Нет, — честно ответил я. — А должна?

Ян не нашёлся, что сказать. София засмеялась.

На истории я поймал себя на том, что смотрю в окно.

За стеклом падал снег. Крупный, медленный, как в замедленной съёмке. Двор был пуст — только вороны копошились у мусорных баков. Где-то на третьем этаже, над нами, хлопнула дверь. Я поднял голову к потолку, будто мог увидеть сквозь бетон.

Там был Кирилл.

Я не знал, почему я подумал о нём. Просто — почувствовал. Как будто его напряжение передавалось через стены, через перекрытия, через весь этот холодный декабрьский воздух.

— Марк, — Алиса толкнула меня локтем. — Тебя вызывают.

Я встал, не зная, какой вопрос задала учительница. Пришлось выкручиваться. Получилось, кажется, не очень.

На большой перемене мы сидели в столовой.

Ян и Лев спорили о том, что такое настоящая музыка. Лев говорил, что она должна быть громкой и злой. Ян — что тихой и глубокой. Истина, как всегда, была где-то посередине, но никто не хотел уступать.

София и Милана обсуждали какой-то сериал. Я не вслушивался. Я смотрел на дверь.

— Кстати, — сказала Алиса, откусывая от булочки. — Лев вчера опять записывал свой трек до двух ночи. Говорит, вдохновение пришло.

— И ты слышала? — спросил я.

— Весь подъезд слышал. Мне соседка сверху написала: «Передай своему другу, что у людей завтра работа».

Я усмехнулся.

— Скажи ему, чтобы наушники купил.

— Скажи сам. Он тебя больше слушается.

Дверь столовой открылась, и вошёл Глеб. Один. Без Кирилла.

Он взял поднос с едой, оглядел зал и направился к нам. Это было новым — раньше он всегда сидел с Кириллом или с его людьми. Но сейчас он поставил поднос напротив меня и сел.

— Кирилла нет? — спросил я.

— Он ушёл, — ответил Глеб. — Сказал, что ему плохо, и уехал домой.

— Плохо? — переспросила Алиса. — В смысле?

— Не знаю. Он не объяснил.

Мы замолчали. Глеб начал есть, но я видел — он не чувствовал вкуса. Он просто жевал механически, чтобы чем-то занять рот.

— Ты волнуешься? — спросил я тихо.

Глеб поднял на меня глаза. Потом кивнул.

— Волнуюсь, — сказал он. — Но ничего не могу сделать.

Это было хуже всего. Не мочь ничего сделать.

После уроков я задержался в классе.

Алиса ушла на репетицию хора, Ян и Лев отправились домой, София с Миланой — в магазин за подарками к Новому году. Я остался один. Дописывал контрольную по алгебре, которую прогулял в прошлый раз.

В классе было тихо. Только батареи шипели, да где-то в коридоре играла музыка — старшеклассники репетировали танец к празднику.

Я писал, и мысли сами собой текли в никуда.

О школе. О турнире. О том, как всё изменилось. И о том, как всё осталось по-прежнему.

Мы выиграли. Мы получили грант. Нас хвалили на линейке. Но Кирилл стал нервным. Диана — замкнутой. Глеб — напряжённым.

Я не знал, что с ними. Я не знал, что с нами.

В дверь постучали.

Я поднял голову. На пороге стояла Майя. Одна, без своих парней.

— Марк, — сказала она, — ты не занят?

— Пишу контрольную, — ответил я.

— Это подождёт, — она села за парту напротив. — Нам нужно поговорить.

Я отложил ручку.

— О чём?

Майя помолчала, подбирая слова.

— О Кирилле, — сказала она наконец. — И о том, что скоро произойдёт.

— Что произойдёт?

— Не знаю, — она покачала головой. — Но чувствую. Ты же тоже чувствуешь, да?

Я кивнул.

— Мы все чувствуем. Но никто не знает, что именно.

— Кто-то знает, — сказала Майя. — Кирилл знает. Но он молчит.

— Ты говорила с ним?

— Он не пускает. Даже меня. А я... — она вздохнула. — Я думала, что после турнира всё наладится. Что мы сможем жить нормально. Но он сломался. И я не знаю, как его собрать.

— Мы все не знаем, — сказал я.

Майя посмотрела на меня. Её глаза были усталыми, но в них всё ещё горел тот самый огонь — тот, что был у неё всегда.

— Держись, — сказала она. — Держись за Алису. За Глеба. За своих. И если что-то случится — я рядом.

Она встала и вышла.

Я остался сидеть с недописанной контрольной.

За окном темнело.

Вечером я сидел в комнате.

Глеб пришёл поздно — уже за полночь. Он не раздевался, просто упал на кровать и устался в потолок.

— Ты где был? — спросил я.

— Гулял, — ответил он.

— Один?

— Один.

Я хотел спросить ещё что-то, но он закрыл глаза и через минуту уже спал.

Я сидел в темноте и слушал, как он дышит. Ровно, спокойно. Как в детстве, когда мы жили в одной комнате и боялись только темноты.

Теперь мы боялись другого.

И никто не знал — чего именно.

Середина десятого класса. Декабрь.

Обычные дни. Уроки, перемены, хор, споры с Яном, смех Софии и Миланы, ругань Льва с учителями, тихие вечера с Алисой.

И напряжение.

Оно было везде. В коридорах, в столовой, в классе, дома. Оно висело в воздухе, как запах дыма перед пожаром.

Мы жили.

Но ждали.

Чего — никто не знал.

Глава 2. На цепи

После того утра я долго не мог уснуть.

Ворочался, смотрел в потолок, слушал, как Глеб дышит на соседней кровати. Он спал — или делал вид. Я не знал. Мы не разговаривали с ним нормально уже несколько дней. Только по делу: «хлеб купить?», «мама звонила?», «ты сегодня домой?». Коротко. Сухо. Как чужие.

А может, мы и были чужими. После всего, что случилось, после всего, что я начал понимать про него и про Кирилла, я не мог смотреть на брата как раньше. Словно между нами выросла стена из невысказанных слов, из обид, которые мы оба боялись произнести вслух.

Я думал о том, что Майя сказала вчера. «Держись за своих. И если что-то случится — я рядом». Хорошие слова. Тёплые. Майя умела их говорить — такие, от которых становилось легче на минуту. Но что значит «держись», если я не знаю, за кого? Глеб молчит. Алиса устала. Кирилл превратился в монстра. Диана сломана, и я даже не знаю, как ей помочь. За кого держаться?

Я закрыл глаза и провалился в тяжёлый, липкий сон, где кто-то кричал, но я не мог разобрать — кто. Сон был чёрным, без картинок, только звук — женский голос, полный боли и страха. А может, это был не сон. Может, я просто слишком долго думал о Диане.

Утром я ушёл раньше, чем Глеб встал. Не хотел завтракать с ним. Не хотел сидеть в одной кухне, делать вид, что всё нормально. Потому что ничего нормального не было. Мама уже ушла на работу — она теперь работала в две смены, мы виделись редко. В квартире было пусто и холодно. Я натянул джинсы, сунул в рюкзак тетради и вышел, даже не выпив чаю.

На улице было серо. Снег, выпавший ночью, уже превратился в грязное месиво под ногами. Дворники сгребали снег в кучи, машины ползли по заледенелой дороге, люди кутались в воротники и спешили по своим делам. Никто не смотрел по сторонам. Никто не замечал друг друга. Мы все жили в своих маленьких мирах, и только у нас, кажется, этот мир трещал по швам.

Школа встретила меня привычным утренним гулом. Запах хлорки и свежей выпечки из столовой. Гул голосов в раздевалке — первоклашки носились с рюкзаками, старшеклассники лениво переодевались у шкафчиков, учителя пили кофе в учительской, прячась от первого звонка. Всё как всегда. Никто не знал, что внутри меня всё кипит.

Я прошёл к своему шкафчику. На двери всё ещё висел стикер с надписью «10«Л» — чемпионы!» Я смотрел на него и думал: чемпионы чего? Турнира? Да. А что дальше? Мы выиграли, получили грант, нас хвалили на линейке. А Кирилл стал нервным. Диана замкнутой. Глеб — напряжённым. Мы распадались на куски, и никто не знал, как это остановить.

— Ты чего такой хмурый? — спросил Лев, подходя сзади.

Он появился неожиданно, как всегда. Лев умел быть незаметным, когда хотел, и громким, когда хотел. Сейчас он был просто рядом — его присутствие не давило, но я чувствовал, что он смотрит на меня внимательнее, чем обычно.

— Выспался плохо, — ответил я.

— Из-за Глеба?

Я посмотрел на него.

— Откуда ты знаешь?

— Вы оба ходите с лицами, будто похороны вчера были, — Лев пожал плечами. — И Алиса говорила, что у вас что-то случилось.

— Алиса много говорит.

— Алиса говорит правду, — поправил он. — Это разные вещи.

Я не ответил. Он не настаивал. Лев вообще редко настаивал — он был из тех, кто говорит один раз и ждёт. Или не ждёт. Ему было всё равно, скажешь ты или нет. Он принимал тебя любым. За это я его и ценил.

Мы пошли на первый урок. По пути к нам присоединились Ян и София.

— Ты прочитал «Преступление и наказание»? — спросил Ян, поправляя очки. Он всегда начинал день с этого — с проверки, сделал ли я домашнее задание. Ян был ответственным. Слишком. До зубного скрежета.

— Нет, — ответил я.

— Марк, тебя это когда-нибудь беспокоит?

— Моя успеваемость? Нет. А должна?

Ян не нашёлся, что сказать. София засмеялась, но смех вышел нервным.

— У тебя всё в порядке? — спросил я её.

— Да, — ответила она слишком быстро. — Всё нормально.

Я не поверил, но спрашивать не стал. У неё в последнее время тоже было лицо человека, который хочет что-то сказать, но боится. София всегда была тихой, но раньше в её тишине была спокойная уверенность. Теперь в ней появилась тревога. Как будто она чувствовала то же, что и я — что-то надвигается, что-то страшное, и мы не готовы.

На уроке истории я сидел и смотрел в окно. Учительница что-то рассказывала про декабристов, про восстание, про ссылку в Сибирь. Я не слушал. Я думал о своём восстании. О том, как мы восстали против Кирилла год назад. О том, как мы победили. И о том, что теперь, кажется, проигрываем.

За стеклом падал снег. Крупный, медленный, как в замедленной съёмке. Двор был пуст — только вороны копошились у мусорных баков, перекрикиваясь хриплыми голосами. Где-то на третьем этаже, над нами, хлопнула дверь. Я поднял голову к потолку, будто мог увидеть сквозь бетон.

Там был Кирилл.

Я думал о нём почти всё время. О том, как он смотрит на Диану. О том, как она дрожит, когда он проходит мимо. О том, как Глеб отводит глаза, когда я спрашиваю про него. О том, что Кирилл стал другим — не просто злым, а каким-то... пустым. Как будто внутри него что-то сломалось. Или выключилось.

— Марк, — Алиса толкнула меня локтем. — Тебя вызывают.

Я встал, не зная, какой вопрос задала учительница. Учительница смотрела на меня с укоризной — она уже привыкла, что я не слушаю, но каждый раз это её раздражало заново.

— О дате восстания декабристов, — подсказала Алиса шёпотом.

— Четырнадцатое декабря тысяча восемьсот двадцать пятого года, — сказал я наугад.

Учительница удивлённо подняла бровь.

— Верно, — сказала она. — Садитесь.

Я сел. Алиса улыбнулась краешком губ.

— Повезло, — прошептала она.

— Не повезло, — ответил я. — Ты подсказала.

— Но ты запомнил.

— Я запомнил твой голос. Это разные вещи.

Она покраснела. Я отвернулся к окну, чтобы она не видела моей улыбки.

На большой перемене я вышел в коридор.

Столовая гудела, как улей. Кто-то смеялся, кто-то спорил, кто-то громко чавкал. Запах котлет и компота разносился по всему этажу, смешиваясь с запахом мандаринов — скоро Новый год, везде висели гирлянды и снежинки. Но мне не хотелось туда. Не хотелось сидеть с Яном и Львом, слушать их вечные споры о музыке, делать вид, что всё нормально.

Я пошёл к окну в конце коридора — туда, где всегда было тихо. Место, где никто не ходил, потому что батарея там почти не грела и вечно дуло из старой рамы. Сейчас там было холодно, но мне нравился холод. В нём хотя бы не нужно было притворяться.

Тишина оказалась обманчивой.

Из-за угла доносились голоса. Я узнал их оба — эти голоса я слышал каждый день, но сейчас они звучали иначе. В одном была боль. В другом — сталь.

— Отойди, — голос Дианы дрожал, но в нём чувствовалась сила. Не та, что от уверенности — та, что от отчаяния, когда терять уже нечего.

— Я только поговорить, — ответил Кирилл. Тихо. Спокойно. Страшно. Он умел говорить так — вполголоса, но каждое слово било, как удар хлыста.

— Нам не о чем говорить.

— Диана...

— Я сказала — отойди.

Я выглянул из-за угла.

Они стояли у выхода на лестницу. Кирилл — слишком близко к ней, на полшага, на дыхание. Диана — прижавшись к стене, её лицо было бледным, руки дрожали. Но она не отводила взгляда. Она смотрела на него прямо — и в её глазах была ненависть. И страх. И что-то ещё, чего я не мог разобрать.

— Ты думаешь, что свободна? — голос Кирилла стал тише, но от этого только страшнее. — Думаешь, что можешь просто взять и уйти?

— Я уже ушла, — ответила Диана. — В тот день, когда мы выиграли турнир. Ты что, не заметил?

Кирилл усмехнулся. Холодно. Пусто. Эта усмешка пробирала до костей — в ней не было ни злости, ни боли, ничего человеческого.

— Милая, ты никогда никуда не уйдёшь. Ты — моя. Была. Есть. Будешь.

— Нет, — Диана сказала это твёрже, чем я ожидал. Голос её не дрожал. Он звучал, как удар. — Не буду. Слышишь? Никогда. Ни за что. Ты сломал меня? Сломал. Но я собрала себя заново. Без тебя. И больше ты ко мне не прикоснёшься.

Она оттолкнула его — резко, с силой, которой я в ней не видел никогда — и пошла по коридору. Быстро, почти бегом. Не оглядываясь. Её шаги гулко отдавались от стен, и каждый шаг был как выстрел.

Кирилл смотрел ей вслед. Его лицо было каменным, но в глазах горело что-то страшное. Я не мог разобрать — ярость? Боль? Одержимость? Он стоял так долго — несколько секунд, которые растянулись в вечность. Потом развернулся и пошёл в другую сторону, сжав кулаки так, что костяшки побелели.

Я отступил за угол и замер. Сердце колотилось где-то в горле. Я прижался спиной к холодной стене и пытался отдышаться.

Это было не просто «Кирилл злой». Это было что-то другое. Это была война. Тихое сражение, которое никто не видел. И Диана в ней — не жертва. По крайней мере, не только жертва. Она сражалась.

Когда я выглянул снова, коридор был пуст.

Весь оставшийся день я не мог думать ни о чём другом.

На литературе мы читали «Преступление и наказание». Учительница говорила о Раскольнике, о его теории, о том, как он пытался доказать, что ему всё позволено. Я слушал и думал о Кирилле. Он тоже думал, что ему всё позволено. Что можно брать, что можно ломать, что можно владеть людьми как вещами. Но разница была в том, что Раскольников в конце раскаялся. А Кирилл? Сможет ли он? И захочет ли?

Я смотрел на Диану. Она сидела за своей партой, прямая, как струна, и делала вид, что слушает. Но я видел, как её пальцы сжимают ручку. Как она напряжена. Как каждые несколько секунд её взгляд скользит к двери — проверяет, не войдёт ли он.

Алиса заметила это раньше меня. Она всегда замечала.

— Она боится, — прошептала Алиса.

— Я знаю.

— Не просто боится. Она живёт в страхе. Каждый день. Каждую минуту.

— Что нам делать?

Алиса помолчала. Потом сказала:

— Нам нужно поговорить с ней. Не о Кирилле. О ней. О том, что она чувствует. Иногда человеку просто нужно, чтобы кто-то спросил.

Я кивнул.

— Сегодня, — сказал я. — После уроков.

Она сжала мою руку под партой.

— Вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.